

П А В Е Л И .

СЕНТ-АЙВС
ПТИЧЬЯ ТЕНЬ

18+

Павел И.

Сент-Айвс. Птичья тень

«Автор»

2026

И. П.

Сент-Айвс. Птичья тень / П. И. — «Автор», 2026

Сент-Айвс. Город неоновых дыма, грязного дождя и магии. Место, где подворотни скрывают тварей похуже серийных убийц. Четверо наёмников из Гильдии привыкли к самой паршивой работе. Но новый контракт выглядел как глупая шутка: вытащить из логова вампиров обычного парикмахера. Ритуал сорван, бедолага спасен (пусть и потерял в процессе одно ухо), а заместитель главы Гильдии без лишних вопросов отсчитывает кресты. Слишком лёгкий куш для этого города. И расплата прилетает быстро. Всего через несколько часов убежище героев штурмуют их же собственные коллеги. Тот, кто нанял банду, теперь пустил по её следу лучших ищущих. Охотники в один миг превращаются в дичь. Чтобы выжить в неоновом лабиринте Сент-Айвса, отряду придётся начать собственное расследование. Им предстоит выяснить, кто их подставил, и какую, пекло побери, жуткую тайну скрывает обычный цирюльник, ради которого древние силы готовы пустить этот город под откос. Добро пожаловать в Сент-Айвс. Здесь пули из серебра стоят дороже золота.

© И. П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Когти, сталь и струны ночного мегаполиса	5
Глава 1. Проценты и предательство	9
Глава 2. Любимый парикмахер мистера Джеймса	13
Глава 3.1. Дым над Альбионом	18
Глава 3.2. Пороховой дым и старые долги	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Павел И. Сент-Айвс. Птичья тень

Пролог. Когти, сталь и струны ночного мегаполиса

Неоновый свет Сент-Айвса не проникал в эти закоулки. Он лишь красил смог над головой в ядовито-розовый цвет. Внизу, в грязи и сырости подворотен, пахло дешёвым синтетическим пивом, ржавчиной и крысиной мочой. Где-то на верхних этажах глухо трещала неисправная вывеска, а из открытого окна доносился надрывный ритм старого кассетного синтезатора.

Грей шёл первым. Тяжёлые кастеты привычно оттягивали карманы плаща. Пару лет назад вурдалак оставил на его лице рваный след. Шрам чесался к дождю — или к близкой крови. Грей молчал. Слишком много сил уходило на то, чтобы удерживать зверя внутри. Серый волк требовал воли, а ночь только начиналась. Один шанс. Один переворот до рассвета. Ошибиться нельзя.

Сзади шумно вздохнула Анжи. Двуручный меч в чехле за спиной зацепился за ржавую пожарную лестницу. Она шла, немного перекосившись на правый бок. Ей требовалось минимум три секунды, чтобы выхватить этот кусок заточенной стали и занять боевую стойку. В их ремесле такое время было непозволительной роскошью — целой вечностью. Напряжение читалось в её серых глазах, горевших злобой в полумраке.

— Эй, Ушастый, не отставай. А то вампиры примут твои локаторы за деликатес, — раздался шёпот Пабло.

Сержант отряда Пабло лениво поправил гитарный чехол. Под курткой у него угадывался тяжёлый силуэт «ТОР-45». Этот массивный окопный револьвер был суровым отголоском прошлой войны — когда-то его бронебойные пули сорок пятого калибра с легкостью вскрывали щиты тяжелых штурмовиков. Пабло умел всё и не умел ничего толком. Он мог зашить пулевое, мог выдать аккорд, от которого затягивались мелкие порезы. Но чаще всего он просто раздражал.

— Заткнись, Пабло, — буркнул Дэнни.

Маг шел неровно, слегка задевая плечом кирпичную стену. От него разило дешёвым бурбоном. Алкоголь помогал ему глушить чужие мысли, но напрочь сбивал прицел телекинеза.

— Помню я твою помощь в коллекторах с крысолодами, Дэниел — вкрадчиво прошипела Анжи, не оборачиваясь. — До сих пор хочу примерить твою голову вместо навершия меча.

— Это была тактическая перегруппировка оружия! — икнул Дэнни, попытавшись поднять силой мысли пустую банку из-под газировки. Жестянка дёрнулась, взлетела на полметра и с глухим стуком упала обратно в лужу.

— Тихо, — Грей поднял руку в кожаной перчатке.

Отряд замер, вжавшись в тени. На перекрёстке, всего в тридцати метрах от них, медленно проехала патрульная машина полиции Сент-Айвса. Красно-синие всполохи скользнули по грязному асфальту, выхватив из темноты объявление на стене: «Контракты Гильдии Наёмников: зачистка нижних уровней». Законники не любили конкурентов, выполняющих за них грязную работу. Сначала они стреляли, а потом проверяли лицензии Гильдии.

Машина скрылась за поворотом. Грей повёл плечом, сбрасывая оцепенение, и указал вперёд. Там, в конце тупика, возвышалось старое готическое здание с полукруглыми окнами — заброшенный органнй зал. Место, где вместо классической музыки теперь звучал шёпот тех, кто пьёт человеческую жизнь до капли. Контракт был принят. Цель находилась внутри.

— Нам нужен он живым, — Грей процедил слова сквозь зубы, остановившись у ржавой кованой ограды парка. — Если твари поймут, зачем мы пришли, они перережут ему глотку до

того, как мы пересечем вестибюль. — Он обернулся к отряду, его глаза в полумраке казались холодными углями. — Анжи, расчехлай зубочистку сейчас. Смажь лезвие серебряной эссенцией. Внутри времени на раскачку не будет.

— Наконец-то, — проворчала девушка. Она аккуратно высвободила огромный двуручный меч. В темноте блеснула вязкая жидкость из флакона, растёкшаяся по металлу.

— Пабло, настраивай свои «Псалмы», — продолжил капитан. — Как войдем — врубай на максимум. И достань прыскалку.

Эти «Псалмы» Пабло собрал сам: изучил с десятков защитных молитв разных народов и вывел из них особый аккорд. Сыгранный на гитаре, он напрочь дезориентировал нечисть.

Пабло хмыкнул, извлекая из кармана помятый пластиковый флакон с пульверизатором. Он несколько раз яростно нажал на клапан, окутывая отряд облаком резкого, удушливого и невероятно противного чесночного аромата. Анжи беззвучно выругалась, зажав нос ладонью.

— М-да, с таким амбре на свидание, конечно, не пойдешь, — зашептал Пабло, скалясь в темноте. — Зато хоть немного перебьет запах перегара от нашего гения мысли.

Разговор прервал глухой щелчок. Грей молниеносным движением вырвал металлическую фляжку прямо из рук Дэнни, который как раз отвинчивал крышку. Капитан спрятал её в свой плащ. Дэнни лишь обиженно шмыгнул носом и недовольно почесал маленькое ухо.

— Они видят в темноте не хуже меня, — Грей обвёл взглядом команду. — На улице обычно оставляют одного-двух дозорных. Самых низших, шестерок. Поэтому прижимаемся к теням от кустов и ни звука. Гильдия за спасение цели обещала жирный бонус. Если налажаем и его убьют — до конца года будем чистить подвалы от крыс за гроши. Вперёд.

Они скользнули за ограду заброшенного парка, окружавшего органной зал. Тьму здесь едва разрывал далёкий свет уличных фонарей. Путь лежал через разросшиеся, одичавшие кусты роз. Длинные шипы цеплялись за полы плащей и одежду.

Хрусь.

— Тссс! — Грей резко обернулся, яростно зыркнув на Пабло, который умудрился наступить на сухую ветку.

Шорох, треск.

— Да твою же... Тихо! — капитан едва сдерживал рык, когда Анжи задела рукоятью меча металлический прут старой скамейки.

Они почти добрались до массивных деревянных дверей зала, как вдруг из густой тени розария, чуть в стороне от тропы, раздался нетрезвый, но на удивление вежливый голос Дэнни:

— Здравствуйте... У вас не найдётся, эммм... огонька? Оу. А чё это вы так скалитесь?

Грей похолодел. Он резко развернулся на звук. В глубине кустов, прямо перед шатающимся магом, стояла худая фигура в оборванном пальто. Дозорный вампир, который по какой-то причине не патрулировал периметр, а затаился в цветах, злобно зашипел. Его верхняя губа задралась, обнажая длинные, острые как иглы клыки. Тварь уже подалась вперед для броска, раскрывая пасть, чтобы издать призывный крик для остального логова. Но крик захлебнулся. Прямо в клыкастую пасть мертвеца с глухим стуком вошло массивное дуло Тяжелого окопного револьвера сорок пятого калибра. Пабло, оказавшийся рядом, даже не изменился в лице. Его палец плавно выжал спусковой крючок...

Оглушительный выстрел крупного калибра разорвал ночную тишину парка, начисто сметя голову дозорного и эхом покотившись по пустым улицам Сент-Айвса. В окнах органного зала тут же замелькали быстрые, хаотичные тени. Элемент скрытности был официально похоронен...

На долгую, удушливую секунду воцарилась гробовая тишина. Наёмники замерли, глядя на дымящийся ствол револьвера и то, что осталось от дозорного.

— Не, ну а чё? — нарушил молчание насмешливый голос Пабло. Он крутанул «ТОР» на пальце и убрал в кобуру. — Мы всё равно уже спалились. Идём на прорыв?

— На прорыв! — рыкнул Грей, срываясь с места.

Капитан первым добежал до массивных двустворчатых дверей органного зала. На бегу он занёс тяжелый армейский ботинок, собираясь вышибить деревянные створки с петель. Но стоило его ноге начать движение, как двери с грохотом распахнулись внутрь сами. Вместо дерева дверей Грей с размаху пнул выскочившего навстречу вампира прямо в грудную клетку. Раздался хруст костей, и кровосос кубарем улетел глубоко в темноту прихожей.

— Примите на душу! — заорал Пабло, срывая с плеча гитару.

Его пальцы с силой ударили по струнам. Из динамиков на чехле вырвался искажённый, давящий на мозги аккорд. Звуковая волна ударила по ушам тварей. Вампиры, выбегавшие из темноты коридоров, начали спотыкаться и хвататься за головы, теряя ориентацию.

На входе закрутилась бешеная катавасия. Грей ворвался в проход, на ходу выкидывая вперёд кулаки. На его серебряных кастетах пробежали электрические искры. Каждый удар отшвыривал кровососов оставляя на их бледной коже дымящиеся, обожженные раны.

— В бой! — с диким боевым кличем в драку влетела Анжи.

Её огромный двуручный меч со свистом рассекал воздух. Теперь Грею приходилось уворачиваться не столько от когтей кровососов, сколько от замахнувшейся воительницы, которая вошла в раж и крутила стальной вихрь, круша всех и вся на своём пути.

С боем, оставляя за собой шлейф из чесночных духов, искр и обрубков тел, отряд ворвался в главный зал. Там, где когда-то на возвышении стоял величественный орган, они резко замерли как вкопанные.

В центре сцены, под тусклым лучом лунного света, стоял предводитель гнезда. В его левой руке был зажат измученный, связанный заложник, а над его головой застыл занесённый ритуальный клинок.

— Назад, наёмные псы! — прошипел главарь, прижимая лезвие к горлу пленника. — Бросайте оружие, или я выпущу из него всю кровь до капли!

Анжи тяжело дышала, её серые глаза горели яростью, она злобно пыхтела, но опустила меч на пол. Грей сделал шаг вперед, выставив ладони.

— Спокойно. Давай договоримся, — монотонно, пытаюсь потянуть время, заговорил капитан. — Отпусти заложника. Если он останется жив, мы развернемся и уйдем. Вы останетесь при своем логове, мы — при своих головах. Идёт?

Пока Грей вёл переговоры, Пабло осторожно огляделся по сторонам. Он насчитал в зале ещё троих готовых к бою вампиров, но его волновало другое. Голова Дэнни нигде не мелькала...

Огромное витражное окно под самым потолком с грохотом разлетелось вдребезги. На фоне ночного неба, в вихре цветных стеклянных осколков, в зал влетел Дэнни. Он сидел верхом на мёртвом вампире, которого, судя по всему, использовал вместо живого щита и средства передвижения, разогнав телекинезом. По огромной, нелепой дуге маг пролетел через весь зал.

— П-о-о-о-б-е-р-е-г-и-и-и-и! — эхом разнёсся его пьяный вопль.

Главарь вампиров в последний момент успел среагировать на шум сверху. Его рука с ритуальным ножом дернулась, совершая слепой, яростный взмах в сторону падающей на него угрозы. Острое лезвие со свистом рассекло воздух, полоснув Дэнни по руке и задев по касательной голову заложника. Но траекторию полета это уже не изменило. В следующую секунду Дэнни вместе со своей тушей с диким грохотом рухнул с высоты прямо на голову вампиров. Заложника отбросило в сторону — обливаясь кровью из рассеченного уха, он отполз под ближайшую скамью. Ритуальный нож вылетел из рук ошеломленного вампира, а сам Дэнни остался лежать сверху, победно, хоть и нетрезво улыбаясь, совершенно не замечая своей свежей раны...

Утренний смог Сент-Айвса окрасился в грязно-серый цвет, когда отряд наёмников наконец покинул Органный зал. Бой остался позади — в памяти стёрлись вспышки выстрелов, свист меча Анжи и финальные хрипы вампиров. Но настроение у капитана было паршивым.

Грей шёл впереди, чеканя шаг. Тяжёлые ботинки зло топали по лужам.

— Мы облажались, — процедил он сквозь зубы, не оборачиваясь. — План был идеальным. Скрытный заход, быстрый перехват. В итоге — стрельба на всю улицу, выбитые окна и разгромленный зал. Только чудо помогло нам вытащить цель живой.

— Да ладно тебе, кэп, — Пабло лениво зевнул, поправляя чехол с гитарой. Он повернулся к ковыляющему рядом магу и широко улыбнулся:

— Дэнни, слышал? Ты у нас теперь официальное чудо. Чудо ушастое.

— Заткнись, Пабло, — вяло огрызнулся Дэнни, бережно баюкая порезанную ритуальным ножом руку.

Грей резко остановился и обернулся к команде. Его шрам на лице зловеще побелел.

— Кстати, насчёт ушей. Пабло, где, пекло побери, ухо цирюльника?

Вся команда разом остановилась и обернулась назад. На несколько шагов от них отставал спасённый заложник — местный парикмахер из элитного квартала, за которого Гильдия обещала круглую сумму. Сейчас бедолага представлял собой жалкое зрелище: бледный, трясущийся, с наспех намотанным на голову бинтом, сквозь который проступало бурое пятно. Тот самый слепой взмах главаря вампиров не просто задел Дэнни — он начисто срезал заложнику правое ухо.

— А я почём знаю? — безмятежно развёл руками Пабло. — Оно куда-то улетело в темноте. Тебе надо — ты и ищи. Кстати, — сержант весело подмигнул стонущему цирюльнику, — Пабло меня зовут. А Ванье вот он!

— Художника без уха звали ван дер Гал, — хмуро вставил Дэнни, покачиваясь от подступающего похмелья.

— О, глядите-ка! Ты не только чудо, но ещё и интеллектual, — хохотнул Пабло, толкнув мага в плечо. — Но вообще, старик, залететь в окно верхом на трупe вампира, как на... летающем скейте! Это же надо было придумать. Ты ведь только неодушевленные предметы поднимать можешь. Как с вампиром-то вышло?

— А ты думаешь, у вампиров есть душа? — Дэнни равнодушно шмыгнул носом. — К тому же, у мёртвых. Технически, это просто кусок мяса. Обычный неодушевлённый предмет.

Анжи, шедшая позади с мечом на плече, издала утробный рык, но промолчала. Зато Грей сделал шаг навстречу веселящимся напарникам, и его голос опустился до опасного шёпота:

— Если Гильдия нас депремирует за то, что вы сделали из него ван дер Гала... я вас, лично придушу. Обоих. И уши вам не понадобятся.

— Да ладно тебе, кэп, не сгущай краски, — Пабло примирительно махнул рукой, бросив быстрый взгляд на забинтованную голову парикмахера. — Тут от товарного вида всего процентов пять не хватает. Примут как миленького. Всё будет нормально.

Разумеется, ничего нормального из этого не вышло.

Глава 1. Проценты и предательство

Кабинет заместителя главы Гильдии заливал мягкий свет дорогой электрической лампы. Здесь пахло хорошим табаком, кожей и едва уловимо — ментолом. Хозяин кабинета, человек по прозвищу Шугар, сидел в огромном кресле, в котором почти утопал из-за своего крошечного, почти карликового роста. На его круглом лице сияли безупречно круглые очки.

Он выглядел дружелюбно, как добродушный лавочник из благополучного района, но это была самая опасная иллюзия Сент-Айвса. В этих маленьких ладонях карлика была сосредоточена колоссальная власть.

Но Пабло и Грей знали и другое: Шугар обладал неестественной, пугающей скоростью. В верхнем ящике его дубового стола лежал пистолет. Шугар мог выдвинуть ящик, вогнать по пуле в лоб обоим гостям и убрать оружие обратно быстрее, чем Пабло хотя бы нащупал бы рукоять своего «ТОР-45». Кабинет был сонной ловушкой, и цена малейшей ошибки здесь равнялась жизни.

Полноценные полминуты в помещении стояла абсолютная, звенящая тишина. Все трое молча разглядывали друг друга. Наконец Шугар мягко улыбнулся и заговорил тонким, вежливым, почти ангельским голосом:

— Простите мою навязчивость, господа. Но где ухо несчастного цирюльника?

Грей даже не моргнул. Опыт наёмника научил его держать лицо, когда всё летит в пекло.

— Условия оплаты теперь придётся пересмотреть, — вздохнул Шугар, разочарованно качая головой. — Нам заказывали целого цирюльника.

— Товарный вид пострадал не более чем на пять процентов, — ровно ответил Грей, в точности повторяя недавние слова Пабло. — Само ухо осталось где-то в Органном зале. Если оно вам так нужно, господин Шугар, вы можете послать туда своих подручных. Пусть поищут возле сцены. Спасение цели можно считать выполненным. Если вы и хотите нас оштрафовать, то не более чем на эти пять процентов.

Шугар несколько секунд барабанил короткими пальцами по столешнице. Его очки блеснули.

— Пять процентов, — протянул карлик, и его улыбка стала ещё шире. — Что ж. Логично. Справедливо.

Он открыл сейф, достал оттуда увесистый, толстый бумажный конверт. Ловким, едва заметным движением Шугар вытащил из пачки всего одну крупную купюру, отложил её в сторону, а остальное пододвинул Грею.

— Ваша доля. За вычетом пяти процентов.

Капитан молча забрал деньги, коротко кивнул, и они с Пабло покинули кабинет. Когда они шли по длинному, тускло освещённому коридору Гильдии Наёмников, Пабло засунул руки в карманы и покосился на командира. Грей выглядел ещё мрачнее, чем обычно. Его челюсть была плотно сжата, а шрам на щеке потемнел. В воздухе коридора пахло сыростью и страхом — обычный запах этого места.

— Эй, кэп, ты чего такой смурной? — не выдержал Пабло. — Нас не придушили, не бросили в карцер, даже депремировали всего на одну бумажку. Радоваться надо. Пронесло же!

— Шугар слишком легко согласился, — глухо отозвался Грей, не сбавляя шага. — Этот карлик за каждое стеклышко готов глотки рвать. А тут взял и отпустил. Без криков, без угроз. Это не к добру.

— Да ладно тебе, просто у него было хорошее настроение, — хмыкнул сержант.

Грей резко остановился прямо посреди коридора и повернулся к Пабло:

— А теперь включи голову и подумай. Зачем вампирам — высшим ночным хищникам, которые держат в страхе четверть города — понадобилось красть обычного цирюльника? Не

политика, не богача, не офицера полиции. Обычного мастера по стрижке голов и бород. Зачем им устраивать над ним ритуальное убийство с клинком? Здесь что-то не сходится, Пабло. И Шугар явно знает, что именно.

Они покинули здание Гильдии и вышли на сырую улицу Сент-Айвса. Ночной туман уже рассеивался, уступая место душному, серому смогу, который въедался в легкие и оставлял горький привкус химикатов на губах. Пройдя всего пару десятков метров, Грей внезапно затылком почувствовал липкий, пристальный взгляд. Звериные инстинкты, не раз спасавшие ему жизнь, сработали безупречно. Капитан резко обернулся, вскинув голову. На третьем этаже, в окне роскошного кабинета, его обострённое зрение выхватило едва уловимое покачивание тяжёлой шторы. Шугар стоял там, провожая их глазами, и отступил вглубь комнаты только тогда, когда Грей посмотрел прямо на него.

Капитан ничего не сказал Пабло, но внутри у него взвелась невидимая пружина. Сент-Айвс не прощал расслабленности. Если ты спиной чувствуешь чужой взгляд — значит, на тебя уже навели прицел. Впредь нужно быть вдвойне осторожным. Этот карлик явно вёл свою игру...

Убежище отряда находилось на самой окраине города, в глухой промзоне. Это был старый, наполовину заброшенный склад со скрипучими полами и высокими потолками, который они обустроили под жильё и тренировочную базу. Когда Грей и Пабло переступили порог, внутри уже было тихо.

Дэнни времени зря не терял. Маг успел где-то раздобыть выпивку, основательно наклюкался и теперь спал без задних ног. Его богатырский, надрывный храп со свистом разносился по всему складу, пробиваясь даже сквозь плотно закрытую деревянную дверь его каморки. Анжи тоже отдыхала после тяжёлого боя, но, в отличие от мага, делала это куда более изящно — в её комнате царила чуткая, благородная тишина воителя.

Грей прошёл к массивному железному столу в центре общего зала и выложил пачку купюр. Отсчитав долю Пабло, он пододвинул к нему ещё одну, более увесистую часть денег.

— Это на расходники, — глухо сказал Грей. — Пополни запасы.

В отряде действовало строгое правило: личное оружие, патроны и броню каждый покупал себе сам, под собственный стиль боя. Но всё, что касалось выживания команды — бинты, редкие медицинские препараты, алхимические зелья и та самая дорогостоящая эссенция серебра для меча Анжи, — закупалось из общего банка.

Этим бюджетом безраздельно заведовал Пабло как сержант. Они тихо, чтобы не будить остальных, обсудили список покупок на ближайшие дни, прикинули цены у подпольных торговцев и, наконец, разошлись по своим комнатам.

Бессонная ночь и тяжёлый бой занесли на дно запасы энергии. Грей упал на жёсткую армейскую койку прямо в одежде и мгновенно провалился в тяжёлый, тревожный сон. Ему снились серые тени, блеск клыков и глухой шёпот Шугара, пересчитывающего окровавленные монеты.

... Он проснулся внезапно. Сквозь щели в фанерных стенах его каморки пробивались багровые лучи наступающего вечера — закатное солнце догорало где-то под самой крышей склада.

Грей лежал неподвижно, не открывая глаз и едва дыша. Шрам на щеке снова заныл — верный признак того, что сталь где-то рядом. Его чуткое ухо уловило странный, чужеродный звук со стороны входа. Кто-то очень аккуратно, стараясь не издать ни единого лишнего шороха, приподнял и потянул на себя тяжёлую складскую дверь. Незнакомец явно действовал профессионально, пытался красться, но старые петли всё же выдали его едва слышным, маслянистым скрежетом.

Внутри склада воцарилась зловещая тишина. Храп Дэнни к этому моменту уже стих, и этот новый, тихий звук прозвучал для капитана как сигнал боевой тревоги. Кто-то проник в их логово. Охотники сами превратились в дичь.

Грей едва слышно спустил ноги с койки. Обуваться времени не было — босые ступни гарантировали абсолютную тишину. Почти не дыша, он проскользнул в общий зал их импровизированной «многокомнатной квартиры». Стены из толстой фанеры, которыми они разгородили внутренности склада, неплохо глушили звуки, и сейчас это играло капитану на руку.

Незванные гости уже проникли внутрь здания. До чуткого слуха Грея донёсся едва уловимый металлический гул — подошвы чужих ботинок осторожно касались ступеней железной лестницы, ведущей вверх, к дверям их фанерного жилища. Звук был смазанным, но капитан умел различать такие нюансы: визитёров было как минимум четверо. Они шли плотной группой, слаженно. Профессионалы.

Нужно было срочно поднимать отряд. Но сделать это требовалось без единого звука, чтобы штурмовая группа за дверью до последнего момента верила в эффект неожиданности.

Первым делом Грей скользнул в комнату Анжи. Грозная воительница всегда соображала молниеносно, а просыпалась без единого вздоха. Капитан присел у её кровати и мягко, но крепко накрыл ладонью рот девушки. В серо-стальных глазах Анжи, распахнувшихся в ту же секунду, мелькнула дикая вспышка ярости, и она дёрнулась, готовая сломать нападавшему пальцы. Грей тут же прижал указательный палец свободной руки к своим губам.

Она замерла, мгновенно оценив обстановку. Капитан указал рукой в сторону входной двери, затем сжал кулак и резко оттопырил четыре пальца. Четверо. Идут. Уже на лестнице. Анжи коротко, едва заметно кивнула и плавно, словно змея, потянулась к изголовью кровати, где лежал её огромный двуручный меч.

Грей уже крался обратно в коридор, направляясь к камерке Пабло. Сержант, несмотря на всю свою болтливость, двигался куда тише вечно пьяного мага, поэтому Дэнни капитан оставил на самый крайний случай. Но стоило Грею протянуть руку и коснуться холодного металла дверной ручки Пабло, как гробовую тишину склада разрезал громкий, весёлый и откровенно хмельной голос Дэнни:

— Господа... могу ли я вам чем-то... ик... помочь?

Грей мысленно выругался. Этот идиот, которого он считал спящим, каким-то образом умудрился выползти из своей конуры в общее помещение склада — скорее всего, за очередной порцией выпивки или по нужде. И сейчас он стоял под лестницей, застав штурмовую группу врасплох.

Наверху, на площадке лестницы повисла испуганная, ошарашенная пауза. Штурмовики явно не ожидали встретить впотьмах пьяного телекинетика.

— Э-э-э... — выдавил из себя один из незваных гостей.

А в следующую секунду тишину разрезал сухой, резкий щелчок взводимого оружейного затвора...

Грохот ружейного выстрела взорвал тишину склада, эхом ударив по фанерным стенам. Дробь с визгом ушла куда-то под потолок — капитан среагировал инстинктивно. Понимая, что друга сейчас настигнут свинцом, Грей рванулся на помощь. Быстрее молнии он вышиб дверь своей камерки и мощным телом обрушился на штурмовую группу прямо в узком пространстве лестничной площадки.

Серебряный кастет с глухим стуком вошёл в челюсть первого нападавшего. С диким криком следом за капитаном выскочила Анжи, её двуручный меч хищно блеснул в полумраке, рассекая воздух и заставляя врагов в панике прижиматься к перилам.

Бой продлился буквально несколько секунд — нападавшие оказались зажаты на маленькой площадке у входа и совершенно растеряли боевой запал. К тому же, их вожак погиб в самую первую секунду. Пьяный телекинез Дэниела сработал безупречно: в момент взвода

затвора маг лениво махнул рукой, сила мысли перенаправила ствол ружья одного из стрелков прямо в голову его же подельника, и сама нажала на курок.

Когда эхо выстрелов наконец утихло, из своей комнаты выбежал Пабло — в одних трусах, но с тяжёлым «ТОРом» наготове. Воевать уже было не с кем.

Грей, тяжело дыша, опустился на колено и принялся переворачивать тела, осматривая лица убитых. Одно из них показалось ему знакомым. Капитан прищурился, вглядываясь в застывшие черты мужчины в хорошей кожаной куртке.

— Я видел его сегодня утром. Возле стойки регистратуры в Гильдии, — хмуро процедил Грей, вытирая кастет от чужой крови. — Это их капитан. Контракт на нашу ликвидацию выписали сразу, как мы вышли из кабинета Шугара.

Капитан медленно поднялся, его босые ноги были испятнаны багровыми каплями. Он повернул голову и посмотрел на сержанта.

— Ну, что теперь скажешь про хорошее настроение Шугара, Пабло?

Обычно болтливый Пабло, всегда готовый отпустить очередную шуточку, в этот раз промолчал. Он лишь крепче сжал рукоять револьвера и хмуро посмотрел на расплывающуюся по железным ступеням лужу крови. В тёмном полумраке склада эта кровь казалась абсолютно чёрной.

Интуиция Грея оказалась безошибочной: карлик их предал. Игра пошла по-крупному.

— Нам следует найти новое убежище. Прямо сейчас, пока сюда не прислали вторую волну, — жёстко скомандовал Грей, переводя взгляд на Анжи и Дэнни. — Собирайте вещи. И по ходу дела нам придётся навестить одного ван дер Гала. Наш безухий цирюльник — единственная зацепка, почему за нами открыли охоту.

Глава 2. Любимый парикмахер мистера Джеймса

Талант Генри ценился в городе на вес золота. Он превратил банальную стрижку в культ, доступный лишь избранным, и умел найти подход к любому, даже самому капризному и опасному клиенту.

В Сент-Айвсе его имя знали все, у кого в карманах водились крупные, приятно пахнущие дорогой краской купюры. Салон, где Генри колдовал над причёсками состоятельных господ, располагался в самом сердце Верхнего города — районе безупречного, слепящего неона, гламурных бутиков и баснословно дорогих ресторанов. Днём здесь, шурша шёлковой подкладкой костюмов, на ланчи спешили успешные юристы, коррумпированные чиновники и биржевые брокеры. Вечерами те же заведения гостеприимно распахивали двери для них же, но уже в сопровождении дам в роскошных коктейльных платьях, от которых пахло тонким ароматом орхидей с Альбиона.

Этот квартал казался обитателям Сент-Айвса другим миром, недостижимой утопией на вершине грязного мегаполиса. Сюда не забредали грязные карманники из Нижнего уровня, здесь никогда не пахло дешёвой сивухой из подворотен, а уличные бандиты обходили эти сияющие чистотой улицы за милю. Даже нечисть — которая для Сент-Айвса была делом хоть и жутким, но вполне привычным — никогда не совала свои клыки в зеркальные витрины Верхнего города. Муниципальная стража отработывала свои налоги на совесть, карая за малейший шорох.

Тем более диким, абсурдным и неожиданным для Генри оказалось то, что произошло сорок восемь часов назад. Он до сих пор не мог уложить это в голове. Его идеальная, выверенная до мелочей жизнь, состоящая из дорогих шампуней, светских сплетен и чаевых, разлетелась в щепки за одно мгновение.

Поздним вечером он, как обычно, запер двери салона, насвистывая популярный синт-поп мотив, и сделал всего три шага по направлению к своей машине. Мир вокруг взорвался ослепительной вспышкой боли. Тяжёлый удар по затылку начисто выключил сознание. Очнулся цирюльник уже в сыром, пропахшем плесенью и застарелой кровью подвале Органного зала. Вокруг в полумраке мелькали бледные, лишённые жизни лица и голодные, фосфоресцирующие глаза. Вампиры почему-то не торопились пить его кровь. Они ждали, оглядывая его, словно породистый скот на ярмарке. И только на следующую ночь поволокли испуганного, ничего не понимающего Генри на сцену, к алтарю, где пахло мертвечиной и жжёными свечами. А дальше... дальше с оглушительным грохотом бьющегося стекла в окно влетел пьяный мужчина верхом на трупе, и закрутилась кровавая, безумная карусель, от которой Генри едва не сошёл с ума.

Сейчас была глубокая ночь. Генри лежал в одиночной палате дорогой частной клиники. За белоснежные простыни, идеальную тишину и дорогое медицинское обслуживание платил его самый преданный благодетель и постоянный клиент — мистер Джеймс. Именно этот влиятельный господин выложил Гильдии Наёмников круглую сумму за спасение своего парикмахера.

Генри вяло размышлял об этом, глядя в потолок. Джеймс стал случайным свидетелем похищения. Он выходил из салона последним из клиентов и из тени своего лимузина увидел, как две бледные, неестественно быстрые фигуры напали на Генри, оглушили его и закинули на заднее сиденье неприметного чёрного седана. Будучи человеком дела, мистер Джеймс не стал полагаться на неповоротливую, погрязшую в бюрократии городскую полицию. Он сразу отправился к Шугару и поднял на ноги все свободные отряды Гильдии. Тот факт, что на след кровососов наткнулась именно четвёрка угрюмых, пахнущих чесночным спреем оборванцев под руководством Грея, был чистой случайностью.

Мистер Джеймс навещал Генри сегодня днём. Он долго сидел у постели, участливо расспрашивал о самочувствии и искренне сокрушался по поводу отрезанного уха. Но в его заботе Генри чудилось что-то странное, липкое. Мистер Джеймс смотрел на него не как на пострадавшего друга, а как коллекционер на редкую фарфоровую статуэтку, у которой варвары отбили хрупкий край. Зачем влиятельному магнату тратить целое состояние ради парикмахера? Неужели дело только в хорошей стрижке?

Думать об этом было невыносимо. Весь день Генри мучился от жуткой, раскалывающей череп мигрени. Казалось, под кожей шевелятся живые черви, а в голове стоял странный, далёкий гул, похожий на шёпот. Тело была сильная лихорадка, простыни под ним давно стали влажными от пота. Врачи списывали это на пережитый шок и инфекцию, но температура росла слишком быстро, вопреки всем антибиотикам. Именно поэтому мистер Джеймс настоял, чтобы Генри остался в больнице ещё на одну ночь — под бдительным присмотром дежурного медицинского персонала.

Генри закрыл глаза, пытаясь забыться сном, как вдруг тихий, едва слышный скрежет со стороны балконной двери заставил его вздрогнуть.

В полумраке больничной палаты Генри разглядел лишь массивный, пугающий силуэт ночного визитёра, пробравшегося из темноты, и тусклое, звериное мерцание глаз. Парикмахер мёртвой хваткой вцепился в края простыни и буквально вжался в койку, мечтая раствориться в матрасе. Горло перехватило спазмом, лишая возможности издать хотя бы писк. Дикий, первобытный ужас парализовал его мышцы.

Тёмная фигура медленно сделала шаг вперёд. Незнакомец протянул руку в чёрной кожаной перчатке и сухо щелкнул выключателем прикроватного светильника. Мягкий жёлтый свет залил комнату, и оцепенение тут же спало. На Генри смотрел суровый мужчина со шрамом на щеке — капитан того самого отряда наёмников, который прошлой ночью вырвал его из лап нечисти. Липкий страх немного отступил, но ему на смену пришли два других тревожных вопроса. Зачем этот человек здесь? И как, пекло заberi, он пробрался в палату, которая находилась на пятом этаже охраняемой частной клиники Верхнего города?

С первой загадкой Генри разобрался почти сразу. Капитан пришёл за ответами. Ночной гость заговорил первым — его голос был низким, тихим и пронизанным опасным, деловым холодом. Грей принялся методично расспрашивать парикмахера обо всём, что произошло за последние два дня. Генри отвечал честно, не видя никакого смысла что-то утаивать от своего спасителя. Он подробно описал удар по голове у салона, бледные лица похитителей, сырой Органный зал и то, как вампиры просто держали его взаперти, словно берегли для какого-то особого часа, до самой ночи ритуала.

Грей внимательно выслушал, переводя тяжелый взгляд с лица цирюльника на его забинтованную голову, а затем задал главный вопрос, который не давал ему покоя:

— Зачем кровососам было похищать именно тебя? Ты перешёл кому-то дорогу? Видел то, чего не должен был?

На этот вопрос у Генри ответа не было. Он лишь растерянно покачал головой, морщась от того, как сильно бинты давили на искалеченную плоть.

— Может, кровь какая-то особенная? — хмуро выразил догадку капитан, пристально вглядываясь в бледное лицо цирюльника. — У тебя в роду были какие-либо аристократы? Старые магические фамилии? Древние семьи Сент-Айвса, основавшие этот проклятый город?

Всё было бессмысленно. Сколько бы Грей ни копал, Генри оставался самым обычным, приземлённым человеком. Он не обладал никакими скрытыми тайнами, фамильными проклятиями или редкими магическими талантами. За единственным исключением — он действительно был выдающимся парикмахером. Но не похищали же его вампиры ради хорошей стрижки?

Поняв, что здесь ловить больше нечего, Грей коротко кивнул. Он не стал прощаться. Капитан развернулся и вышел тем же путём, каким и зашёл — бесшумно скользнул на балкон и мгновенно растворился в ночной темноте, словно его здесь и не было.

Только тогда Генри наконец узнал ответ на второй тревоживший его вопрос. Любопытство пересилило страх, он аккуратно спустил ноги с кровати, преодолевая слабость, подошёл к стеклянной двери и робко выглянул за край балкона, посмотрев вниз.

Внизу, на абсолютно безлюдной ночной дороге у больничного корпуса, в тусклом свете фонаря стояли три человеческие фигуры. Один из них — невысокий мужчина, который, судя по пошатыванию, был в стельку пьян, — поднял руку вверх и сделал плавное, ленивое дирижёрское движение пальцами. Прямо навстречу этой троице, медленно и абсолютно бесшумно планируя в воздухе, спускался капитан. Грей ровно, скрестив руки на груди, стоял на чём-то широком, плоском и белом — судя по характерным прямоугольным контурам и оторванной ручке, это была массивная железная дверь от старого промышленного холодильника. Пьяный телекинез, несмотря на все свои изъяны и чудовищные побочные эффекты, работал как идеальный, бесшумный лифт.

Как только капитан коснулся ногами асфальта, дверь холодильника с глухим стуком упала на землю, а четыре тени стремительно растворились в густом тумане Сент-Айвса.

Генри остался один в палате. Он вернулся на койку, но сна не было. Мигрень внезапно накатила с новой, удвоенной силой, сокрушительным молотом ударив по вискам, а отрезанное ухо под слоями бинтов обожгло дикой, яростной пульсирующей болью. Генри казалось, что в его венах вместо крови начинает медленно течь жидкий лед...

Отряд обустроился в неприметной, сырой двухкомнатной квартире на самой окраине Среднего уровня Сент-Айвса. Прежние жильцы съехали отсюда неделю назад, спасаясь от долгов, а новые ещё не успели заселиться. Мебели здесь почти не было: один старый продавленный диван, пара потрёпанных кресел, из которых торчал поролон, расшатанный стул и единственный деревянный стол, за которым все и собрались посреди ночи.

Они тихо, почти без аппетита ели уличную еду, купленную на углу.

— Отдали четыре кристы, а на вкус так, будто шварки нагадили, — сокрушался Пабло, брезгливо разглядывая помятую коробку с жирной лапшой. — За такие бабки в Верхнем городе нормальных бургеров могли купить, а тут жуёшь этот картон и думаешь, не подсыпали ли туда крысиного яда для нажористости.

Сержант выудил из кармана сдачу и разочарованно зазвенел горстью мелких металлических монет.

— И сдачи насыпали одними стёклышками, карманы теперь оттягивает, — проворчал он, высыпая мелочь на шербатый деревянный стол.

Его монеты со звоном покатались по бумажным купюрам, которые до этого ровным вее-ром разложил Грей. В блёклом неоновом свете из окна эти банкноты тускло отливали водяными знаками в виде огранённых кристаллов. Когда-то в Сент-Айвсе платили настоящими кристаллами, но столетия прагматизма давно превратили древнюю магию в шуршащую бумагу.

Этот тусклый блеск тонул в колеблющемся свете одиночной голой лампы, горевшей над наемниками. Дэнни и Пабло лениво цедили виски из треснувших стаканов, а весь отряд вяло обсуждал недавний визит Грея в больницу.

— Ну и как нам найти этого мистера Джеймса? — спросила Анжи, хмуро скрестив руки на груди и прислонившись к косяку. Ни у кого из наёмников не вызывало сомнений, что у благодетеля рыльце в пушку. — И я так и не поняла, при чём тут, пекло его дери, этот Генри? К чему устраивать весь этот цирк ради обычного цирюльника? Зачем Шугару подставлять нас под удар ради него?

— Боюсь, нам придётся следующей ночью совершить ещё одну вылазку, — задумчиво ответил Грей, проигнорировав её второй вопрос. Он медленно крутил в руках пустую гильзу

сорок пятого калибра. — Наведаемся в Гильдию. Там будут все ответы. Архивы, контракты, личные дела заказчиков. Узнаем, кто такой этот Джеймс и откуда у него столько денег на наёмников.

— Предлагаешь обыскать кабинет Шугара? — насмешливо вскинул брови Пабло. — Да я лучше сунусь голым в логово голодных гулей! Этот маленький шварк перебьёт нас всех, при этом попивая чай с оттопыренным мизинчиком.

Сержант демонстративно взял свой стакан с дешёвым пойлом, прислонил его к губам и театрально оттопырил мизинец, пародируя высшую аристократию Верхнего города. Анжи лишь презрительно фыркнула.

— У нас больше нет зацепок, — отрезал Грей, и его тон не терпел возражений. — Шугар собирается уехать куда-то завтра утром. В Гильдии будет дежурить всего пара охранников и сонный администратор на входе. Попробуем по-тихому пробраться к нему в кабинет через окно третьего этажа.

— И как? Так же залетишь на двери холодильника, как на волшебном ковре? — снова съязвил Пабло, ухмыляясь. — Сулейман-чародей недоделанный. Ты учти, кэп, если Дэнни по дороге переберет с бурбоном, твой парящий этлиссский ковёр превратится в летящий вниз металлолом.

— На месте разберёмся, — буркнул Грей, сурово глянув на шутника. — Так что завтра вечером не налегайте на выпивку. Пабло, ты пойдёшь со мной внутрь, будешь страховать и вскрывать замки сейфа. Дэнни, вы с Анжи останетесь на стрёме во внутреннем двореке. Всем всё ясно?

— Ясно, — ответил за всех Пабло, отставляя стакан в сторону. — Слушай, кэп, а ты уверен, что этот цирюльник того... ну, в порядке? Что-то мне его рожа в Органном зале совсем не понравилась. Не жилец он, как по мне.

— Не знаю. Симптомы неоднозначные, его колотит сильная лихорадка, — Грей покачал головой, вспоминая бледность Генри. — Да я и не специалист по вампирам. Дэнни, прощеришь завтра по своим старым знакомым в трущобах? Может, твой знакомый Фауст знает, что за обряды проводят эти твари в заброшенных залах.

— Да он и сам сейчас выглядит так себе, — Пабло скептически, с явным прищуром оглядел мага. — Или он всегда так паршиво выглядел? — уже тише, но с явным уколом в голосе продолжил сержант.

— Заткнись, Пабло, — вяло огрызнулся Дэнни, тяжело потирая виски руками. — А не то я сделаю Сулейманом тебя. Полетаешь у меня на этом продавленном диване по всему ночному городу, понял?

Пабло примирительно поднял руки, но шутки шутками, а состояние товарища его всё-таки всерьёз тревожило. Как полевой медик, он решил проверить, здоров ли их маг. Пабло подошёл, бесцеремонно пощупал ладонью горячий лоб Дэнни, заставил его посмотреть на свет голый лампы, проверяя реакцию зрачков, и принялся аккуратно менять повязку на его руке.

Температура у мага действительно была сильно повышена, кожа горела. Но, как показало Пабло, не сильнее, чем при любом обычном воспалительном процессе. А воспаление тут точно имело место — ритуальный кинжал главаря вампиров явно был далек от стерильности, на нём могла быть любая трупная зараза. Кожа вокруг глубокого пореза сильно припухла и покраснела, но опять же, в пределах нормы для колотых ран. Голова у Дэнни раскалывалась весь день, но учитывая, сколько этот телекинетик глушит алкоголя, удивляться не приходилось. Обычное тяжёлое похмелье мага-алкоголика.

В любом случае, Пабло не был экспертом по высшей нечисти, и тонкие, скрытые признаки магического или проклятого заражения ему были мало известны. Куда больше опыта во всяких тёмных заклятиях было как раз у самого Дэнни, но маг лишь угрюмо буркнул, что с ним всё в порядке, и вырвал руку.

— Знаешь что, — Пабло хитро прищурился, демонстративно потянувшись к гитарному чехлу, стоявшему у стены. — А давай я сейчас сыграю свой «Псалом»? Проверим теорию. Если ты уже наполовину кровосос, тебя от моих аккордов точно начнёт наизнанку выворачивать. Проверенный метод!

— Только попробуй, — Анжи угрожающе положила ладонь на тяжёлый эфес своего двуручника. — От твоего тошнотворного бряцания меня и без всякого вампиризма наизнанку выворачивает. Если ты посмеешь завести свою кошмарную шарманку, я разобью эту гитару прямо об твою тупую башку!

Пабло вздохнул, картинно погрузнел и убрал руки от инструмента. На этом шутки закончились. Тишина снова заполнила комнату. Наёмники молча проверили снаряжение, затушили лампу и легли, готовые в любой момент вскочить по тревоге.

Ночной Сент-Айвс за окном жил своей жизнью, укутанный привычным, ядовитым неоноворозовым смогом. Предстоящая игра в прятки с Шугаром не давала уснуть.

Глава 3.1. Дым над Альбионом

Грей проснулся от собственного рыка, едва не прокусив язык. Сердце бешено колотилось в грудной клетке, а к горлу подступал липкий, металлический вкус крови. Опять этот сон. Туманный коридор Гильдии, окровавленные монеты и карлик, вырастающий до размеров потолка, сжимающий в своих ладонях их сломанные шеи.

Капитан сел на скрипучей лежанке, запустив пятерню в растрепанные волосы. За окном висел привычный для Сент-Айвса грязно-серый полдень. Голова раскалывалась, кости ломило — волк внутри его натуры ворочался, глухо ворча на подступающую опасность. Грей встал, качаясь от усталости. Он совершенно не выспался.

На кухонном столе, прямо поверх грязного следа от кофейной чашки, белел клочок бумаги. Размашистый почерк Пабло:

«Капитан, Дэнни совсем паршиво, ушёл к своему чернокнижнику Фаусту на Нижний ярус — надеется, что тот нашепчет какое-нибудь лекарство от вампирской заразы. Я двинул на чёрный рынок в Малый Альбион. Нужно перехватить у моих приятелей медицинский спирт, чистые бинты и патроны. Не скучай».

Грей хмыкнул, смятая записку в кулаке. «Малый Альбион». Район, куда приличные люди не заглядывали даже днём. Место, где осели беженцы и отщепенцы со Старого Света, выстроив свои законы, замешанные на кровной мести и контрабанде артефактов из Темных земель. Бывшие родственники Пабло крышевали там половину нелегальных лавок.

Из окна донёсся сухой, резкий свист рассекаемого воздуха. Грей подошёл к засиженному мухами стеклу и посмотрел вниз, во двор. На полуразрушенной детской площадке, среди ржавых остовов качелей, тренировалась Анжи. Она двигалась как заведённый механизм: двуручный меч в её руках казался невесомой щепкой. Шаг, выпад, идеальный разворот, отсекающий воображаемую голову. Её лицо было бледным и сосредоточенным. Она не отдыхала. Она ждала новой битвы.

— Пусть разомнётся, — негромко прорычал Грей себе под нос.

Оставлять дело на самотёк капитан не собирался. Если Шугар действительно готовит им петлю, нужно ударить первым. Но сначала — разведка. Грей натянул свой плащ, проверил кастеты и вышел на улицу, незаметно для Анжи скользнув в переулок.

Его путь лежал к зданию Гильдии. Самим наёмникам соваться туда сейчас было безумием, но у Грея были свои уши на этих грязных мостовых. Дворовая шпана — карманники, чистильщики обуви и беспризорники, за пару стеклышек готовые продать родную мать, а за кристу — выследить самого Ткача. Грей собирался обложить контору Шугара сетью малолетних крыс. Ему нужно было знать каждый шаг карлика до того, как наступит следующая ночь.

Грей на ходу запрыгнул на подножку грохочущего трамвая, уходящего в сторону высотных кварталов. Прижавшись спиной к облупившейся стене тамбура, он поднял высокий воротник плаща, чтобы не привлекать лишнего внимания к шраму на щеке. Вагон летел по рельсам, унося капитана прочь от обшарпанных кирпичных трущоб Нижнего яруса, и вскоре за окнами замелькали неоновые вывески и монументальные фасады Верхнего города. Грей сошел на нужной остановке и быстро миновал пару жилых кварталов.

Капитан свернул вглубь глухого переулочка и по старой пожарной лестнице поднялся на крышу полузаброшенной бойлерной станции. Обойдя торчащие вентиляционные трубы, он шагнул к кирпичному выступу водонапорной башни и замер в глубокой тени. Отсюда, с возвышения, трехэтажный особняк Гильдии Наёмников был виден как на ладони. На его парадном крыльце лениво курили двое охранников в тяжёлых бронежилетах, а в окнах третьего этажа — там, где располагались архивы и личный кабинет Шугара — виднелось едва различимое его острому зрению движение.

Капитан не шевелился. Волк внутри него затих, но чуткие уши улавливали едва заметное движение вокруг.

Со стороны пожарной лестницы донёлся едва слышный шорох драных подошв. Из-за массивного короба вентиляции, бесшумно перемахнув через парапет, одна за другой выросли три невысокие тени. Мальчишки. Старшему, по прозвищу Шустрый, едва исполнилось двенадцать, но его цепкие, вороватые глаза уже видели в этой жизни слишком много дерьма. Двое других — близнецы-замарашки — испуганно шмыгали носами, косясь на внушительную фигуру Грея и шрам, белеющий на его щеке.

— Здоров, дядь, — негромко, по-взрослому сиплым голосом произнес Шустрый, привычно пряча руки в карманы безразмерной куртки. — Пацаны срисовали, как ты у рынка с трамвая прыгнул и дворами пошёл. Сразу смекнули: раз сам Грей объявился в Верхнем городе, значит, у нас намечается неплохая работа. Что надо делать?

Грей присел на корточки, чтобы оказаться на одном уровне с предводителем малолетних крыс Сент-Айвса. В его ладони приятно зашуршали три купюры. В глазах мальчишек тут же вспыхнул голодный, лихорадочный блеск.

— Видите это здание? — тихо, но отчетливо спросил Грей, кивнув на штаб-квартиру Гильдии. — Мне нужно знать всё. Кто входит, кто выходит, какие машины подъезжают к черному ходу. Особо следите за маленьким человеком в круглых очках. Его зовут Шугар. Если Шугар решит уехать — один из вас бегом бежит в мастерскую Талера. Вопросы?

— А если нас законники сцапают? — буркнул один из близнецов.

Грей коротко усмехнулся и сунул кресты прямо в ладонь Шустрого, легонько сжав его пальцы в кулак.

— Не сцапают. Вы для этих жирных легавых в чистых мундирах — просто часть пейзажа, они на вас даже взгляд не задерживают. А для меня сейчас вы — единственные глаза. Вы меня ещё ни разу не подводили, шкеты. Работайте чисто, и вечером получите еще столько же.

Шустрый профессиональным движением фокусника спрятал купюры в потайной карман и уверенно кивнул:

— Сделаем в лучшем виде, дядь. Не в первый раз.

Мальчишки растворились в полуденном тумане так же бесшумно, как и появились. Грей остался один, глядя на окна особняка Шугара. Карлик залёг на дно, и это тревожило. Но ещё сильнее капитана тревожила записка Пабло, оставленная на кухонном столе, и пустующая постель младшего из их банды.

Грей вспомнил, каким измождённым Дэнни выглядел накануне. Эта неизвестная магия выжигала парня изнутри, и капитан понимал: Дэнни нужно спасать, пока зараза не прикончила его.

Для Дэниела утро началось не с неоновых туманов, а с ощущения, будто он всю ночь глотал раскаленный пепел. В горле пересохло, язык казался чужим и шершавым, а глубоко в легких стягивался тугим, горячий узел.

Его трясло так, словно он всю ночь жрал палёный виски в самом дешёвом притоне Нижнего яруса, но в том-то и заключался весь ужас — маг был трезв как стёклышко. Трезвость в Сент-Айвсе всегда была для него синонимом безумия. Сигарета, которую он пытался прикурить, дважды выпадала из неслушающихся, влажных от пота пальцев.

Когда он наконец чиркнул спичкой, магия внутри него, обычно послушная и мягкая, как невидимая рука, внезапно огрызнулась. Коробка в его левой руке с тихим хлопком разлетелась в труху, а обломки серных головок веером брызнули в стороны.

— Пекло... — прохрипел Дэнни, зажмурившись от резкой боли в правом предплечье.

Рана, оставленная изогнутым ритуальным клинком вампира, не просто воспалилась. Она жила своей жизнью. Под намотанным Пабло бинтом что-то пульсировало — тяжело, горячо, в такт ударам сердца. Кожа вокруг пореза потемнела, налившись жутковатым, мертвенно-синим

оттенком. Но хуже всего было то, что вместе с этой пульсацией Дэнни начал слышать шум. Пока ещё не слова, не тот вкрадчивый Голос бездны, что обычно являлся к нему в моменты абсолютной трезвости, а странный, далёкий гул, похожий на шёпот сотен сухих листьев.

Закурив наконец сигарету, Дэниел отправился к чернокнижнику.

Дорога к Среднему ярусу превратилась в полосу препятствий. Мир вокруг двоился и шёл цветными кругами. Телекинез Дэнни, сорвавшийся с поводка из-за вампирской заразы, реагировал на каждый его болезненный вдох. Стоило магу споткнуться о шероховатый гранит мостовой, как стоявшая рядом ржавая урна с грохотом покатила по асфальту, смятая невидимым прессом. Мимо проезжала легковая машина — и её лобовое стекло жалобно звякнуло, покрывшись мелкой паутиной трещин от случайного ментального всплеска. Дэнни испуганно вжал голову в плечи, сильнее кутаясь в потрёпанный плащ, и прибавил шаг, стараясь не смотреть по сторонам. Ему нужно было лекарство. Срочно. До того, как эта дрянь окончательно не выжгла ему мозги.

Граница Среднего яруса и промзоны встретила его привычным запахом дешёвого угля и машинного масла. Здесь, зажатый между глухой кирпичной стеной заброшенной ткацкой мануфактуры и покосившимся забором старого городского кладбища, стоял нужный дом. Двухэтажное здание из потемневшего от сырости кирпича выглядело необитаемым, если бы не густой, дурманящий запах, выбивавшийся из-за ограды.

В узком палисаднике рос огромный, уродливый куст одичавшей сирени. Её тяжёлые фиолетовые гроздья наполовину утопали в сером утреннем смоге, а резкий, приторно-сладкий аромат цветов безуспешно пытался заглушить застарелый запах формалина и сушёных трав, въевшийся в эти стены.

Дэнни толкнул скрипучую деревянную калитку и, едва удерживаясь на ногах, трижды ударил кулаком в массивную дубовую дверь.

За дверью послышался шаркающий шаг, заскрежетал тяжёлый засов, и на пороге выросла фигура хозяина. Старый чернокнижник Фауст выглядел как всегда эксцентрично: потрёпанный бархатный халат, густо покрытый пятнами от алхимических реактивов, круглые стёкла очков на кончике носа и вечная циничная ухмылка на тонких губах. В зубах старик зажимал дымящуюся трубку с резким, едким табаком.

— А, Дэниел... — Фауст окинул мага быстрым, цепким взглядом практикующего оккультиста и сразу нахмурился, заметив его мертвенную бледность и дрожащие руки. — Живой. Или, судя по твоему виду, не совсем. Заходи быстрее, пока законники не срисовали твою кислую рожу на моём пороге.

Внутри дома царил привычный для чернокнижника хаос. Стеллажи до потолка были забиты старинными гримуарами, заспиртованными конечностями болотных тварей и склянками с тёмными жидкостями. Дэнни тяжело рухнул на колченогий стул у массивного дубового стола.

— Мне хреново, Фауст, — без лишних предисловий выдохнул маг, содрав с предплечья грязный бинт и демонстрируя почерневшую рану. — Хреново так, что магия из ушей лезет. Главарь кровососов зацепил меня ритуальным ножом. Помоги. Сними эту дрянь. У меня есть кристы...

Фауст отложил трубку, подошёл ближе и, бесцеремонно схватив Дэнни за запястье, повернул его руку к свету тусклой электрической лампы. Старик прищурился, осторожно коснулся пальцем тёмных вен, расходящихся от пореза, и неопределённо хмыкнул. Его пальцы пахли горькой полыньёю.

— Ритуальный нож, говоришь? — пробормотал Фауст, возвращаясь к своему шкафу с медикаментами. — Знаю я этих портовых кровососов. Обычное гниlostное проклятие Сангвинарий. Они любят смазывать лезвия трупным ядом, смешанным с низшей некромантией, чтобы раны охотников не затягивались, а кровь сворачивалась прямо в жилах. Дрянь непри-

ятная, выжигает резерв сил, отсюда и твои проблемы с телекинезом. Твои ментальные каналы просто забиты этой гнилью.

Старик достал с верхней полки пузатую бутылку из тёмного стекла, запечатанную сургучом, и тяжёлую серебряную ступку.

— Я сделаю тебе блокирующую настойку, — уверенно произнёс чернокнижник, принимаясь растирать в ступке какие-то серые кристаллы. — В основе — корень могильного перечника и очищенное серебро. Это остановит некроз и выжжет заразу из крови. К вечеру будешь как огурчик. С тебя сотню крист за срочность и материалы, парень.

Дэнни с трудом вытащил из кармана нужную сумму и выложил на стол. В его голове в этот момент серые листья зашуршали чуть громче, словно смеясь над уверенным тоном старого чернокнижника. Но маг лишь облегчённо вздохнул. Фауст был лучшим специалистом по нечисти в Сент-Айвсе, и если он сказал, что это обычный некроз — значит, так оно и было.

Пока Фауст в своей душной каморке колдовал над настойкой для Дэниела, звеня склянками и ворча под нос древние проклятия, Пабло уже всю месил подошвами тяжёлую грязь Малого Альбиона. Он намеренно сделал крюк в три квартала, обходя стороной знакомые притоны и проверенных гильдейских скупщиков — инстинкт опытного наёмника говорил, что на привычных точках его может ждать засада. Вместо этого Пабло свернул в глухой, пахнущий сыростью и дешёвым табаком тупик и толкнул покосившуюся дверь, над которой уныло задрезжал медный колокольчик.

Для случайных прохожих и муниципальных инспекторов пятидесятилетний Салим был всего лишь мирным торговцем, привозившим из-за моря ковры и изысканную этлисскую вышивку. Но в Сент-Айвсе у каждого шёлка была своя изнанка: под тяжёлыми рулонами узорчатой ткани Салим прятал ящики с армейскими стимуляторами и дефицитным свинцом, а его подсобка давно превратилась в лучшую подпольную мастерскую по ремонту нелегального огнестрела.

Пабло шагнул внутрь и уже открыл было рот, чтобы потребовать у хозяина патроны с серебряным сердечником, как вдруг осёкся. Из полумрака задней комнаты, залитой жёлтым светом керосиновой лампы, вышел крепкий мужчина с густой седеющей щетиной и шрамом, рассекающим левую бровь. Он бережно держал в узловатых руках тяжёлый охотничий дробовик со свежесмазанным, матово поблёскивающим затвором. Пабло похолодел. Из всех подпольщиков огромного города судьба столкнула его именно здесь с Марко Вегой. Человеком, которого Пабло называл дядей. Дядя забирал своё оружие из ремонта.

Марко поднял тяжёлый взгляд, и его глаза-маслины на мгновение сузились. В них не было ярости, скорее — усталое разочарование.

— Надо же, какая встреча, — глухо произнёс Марко. Голос его прозвучал на удивление ровно, но в тишине лавки каждый слог весил с пуд. — Ты годами ходишь мимо нашего дома, Паблито. Зачем пожаловал в эти края? Неужто у Гильдии кончились свои прикормленные лавочники?

Пабло на мгновение замер, оценивая обстановку, а затем на его губах заиграла привычная, слегка наглая усмешка. Он небрежно вскинул два пальца к виску, словно приветствуя старого знакомого, и перевёл взгляд на свисающие со стен ковры.

— И я рад тебя видеть, дядя, — с напускной безмятежностью ответил Пабло. — Да вот, знаешь, подумал, что в моей берлоге стало как-то неуютно. Решил заглянуть к Салиму, присмотреть какой-нибудь изысканный ковёр. Говорят, они отлично поглощают звук. Ну и забрать парочку... бытовых мелочей.

Марко лишь горько усмехнулся на эту тираду, а из-за прилавка показалась хмурая, покрытая глубокими морщинами физиономия Салима. Хозяин лавки переводил испуганный взгляд с племянника на дядю, прекрасно понимая, что эти «бытовые мелочи» пахнут крупными неприятностями.

Пабло прошёл вглубь лавки, стараясь не смотреть в глаза Марко. В этом тесном пространстве, забитом этлиссскими коврами, деваться было некуда, и взгляд дяди жёг сильнее любого пламени. Каждое слово старика безжалостно раскапывало прошлую жизнь, которую Пабло так отчаянно пытался похоронить.

Марко Вега опёрся тяжёлыми ладонями о край высокого прилавка и пристально посмотрел на племянника. Салим за стойкой испуганно сжался, стараясь казаться тише воды.

— Ты бросил нас, Паблито, — глухо, но веско произнёс Марко. — Бросил свою кровь ради того, чтобы таскать каштаны из огня для зажавшихся господ из Верхнего города. Клан предлагал тебе всё. Ты прошёл испытание. Ты почти стал одним из них. А теперь бегаешь по крысиным норам.

— Я не хотел на них работать, дядя, — тихо, но твердо отрезал Пабло, глядя родственнику прямо в глаза. — Я не хотел связывать свою жизнь с Кортесами. Больше нет.

— А тебя никто и не просит на нас работать, — раздался резкий, хлёсткий голос со стороны входа.

Пабло резко обернулся. В дверном проеме, перекрывая блеклый дневной свет, стояли двое. На них были дорогие шёлковые жилеты поверх белоснежных рубаш, а за поясами поблескивали позолоченные рукояти ножей — визитная карточка боевиков клана Кортес. Одним из них был зрелый, хмурый громила, а вот вторым... вторым был совсем молодой юноша.

Санто Кортес. Младший брат Люсии. Мальчик, который вырос на глазах у Пабло. Сейчас его лицо было искажено гримасой чистой, незамутнённой ненависти.

— Санто... — выдохнул Пабло, чувствуя, как внутри всё сжалось от застарелой вины.

— Ты не должен здесь находиться, Вега, — процедил юноша, и его рука сама собой потянулась к оружию. — Ты убил мою сестру. Из-за тебя разбилось сердце моей матери. Твоя нога не должна ступать в Малый Альбион.

Громила-телохранитель за спиной Санто предупреждающе положил ладонь на эфес мачете. Атмосфера в тесной лавке накалилась так, что воздух, казалось, готов был заискрить.

Дядя Марко не сводил тяжёлого взгляда с Кортеса. Его лицо превратилось в каменную маску, а узловатые пальцы правой руки медленно, почти неуловимо опустились в глубокий карман старого драпового пальто. Там, глухо звякнув, перекатились три тяжёлых патрона со свинцовой картечью — всё, что он взял с собой для проверки оружия. Дробовик после ремонта был пуст. Но какими бы глубокими ни были старые обиды, какая бы пропасть ни разделяла его с Паблито, сейчас перед ним стоял его племянник. Родная кровь. И Марко скорее разнёс бы эту лавку в щепки вместе с собой, чем позволил чужакам коснуться парня. Ему нужно было выиграть всего несколько секунд, чтобы незаметно вогнать картечь в магазин...

Пабло был виноват перед Кортесами. Он до сих пор нёс этот груз каждый проклятый день.

Перед глазами на миг промелькнуло её лицо. Люсия Кортес. Девочка с соседней улицы, с которой они делили одно детство на двоих, вместе росли и не заметили, как детская дружба переросла в безумную, отчаянную юношескую любовь. А потом Люсия забеременела. В Малом Альбионе такие новости разлетались быстро, угрожая обернуться страшным позором для её консервативной семьи. Чтобы избежать скандала, Пабло должен был официально войти в клан Кортес и взять девушку в жены. Он был готов к этому, готов был стать частью чужой семьи и защищать её до последнего вздоха. Но судьба распорядилась иначе. Всего за несколько дней до назначенной свадьбы молодая невеста по неизвестной причине вышла в окно. Клан Кортес, пускай и не напрямую, винил в случившемся Пабло. Как и сам Пабло до сих пор, каждый день, винил в этом только себя.

Но он больше не был тем испуганным юношей. Он был опытным наемником, прошедшим сотни смертоносных битв с порождениями Изнанки и городскими бандами. Умирать в грязной лавке он не собирался.

Пабло медленно, без резких движений, отодвинул полу плаща, обнажая массивный, вороненый барабан тяжелого револьвера «ТОР-45».

— Я уже потерял самого дорогого мне человека, брат, — тихо, с абсолютной, звенящей уверенностью сказал Пабло, глядя прямо в покрасневшие глаза юноши. — Не заставляй меня терять еще и тебя.

Слово «брат» ударило по Санто сильнее, чем пуля сорок пятого калибра. Юноша замер. Воспоминания о временах, когда Пабло катал его на плечах и обещал всегда защищать, железным обручем сдавливали горло молодого Кортеса. Юноша судорожно выдохнул, его плечи затряслись, и он разрыдался, теряя всю свою напускную мафиозную спесь.

Пабло сделал шаг вперед, сокращая дистанцию, и крепко, обнял плачущего парня, утыкаясь подбородком в его плечо. Громила-охранник облегченно ослабил хватку на мачете. Дядя Марко за стойкой тихо выдохнул.

Но идиллия длилась всего несколько мгновений.

До слуха Пабло донёсся резкий, чужеродный звук с улицы — хлесткий, металлический щелчок взводимого оружейного курка. Одновременно с этим боковое зрение уловило, как сквозь стекло витрины, прямо между свисающими узорчатыми коврами Салима, стремительно приближаются три смазанные тени в глухих кожаных масках.

Инстинкты наёмника сработали быстрее мыслей.

— Назад! — рывкнул Пабло, с силой швыряя Санто за тяжёлый прилавок, где испуганно вжался в пол хозяин лавки.

В ту же секунду стекло витрины с оглушительным звоном разлетелось вдребезги. Внутрь лавки ворвались трое в потрёпанных плащах. Тот, что шёл слева, вскинул двустольный обрез. На груди центрального, прямо поверх засаленного ворота плаща, тускло блеснул знакомый латунный жетон. Пабло хватило доли секунды, чтобы узнать этот знак — перед ними были цепные псы Гильдии. Замыкающий троицу наёмник выхватил из-за пояса два длинных зазубренных ножа, удерживая их обратным хватом.

Их капитан, стоявший по центру, держал на мушке взведенного армейского пистолета грудь Пабло. Ствол оружия не дрожал.

— Руки вверх, Вега! Быстро! — рывкнул капитан сквозь прорези кожаной маски. — Без глупостей. Говори, где ритуальный кинжал?

Пабло медленно, демонстративно поднял открытые ладони на уровень плеч. Он краем глаза видел, как в паре метров от него, укрывшись за высокой стойкой для демонстрации вышивки, застыл дядя Марко. Старик стоял неподвижно, но его узловатые пальцы уже скользнули в глубокий карман пальто и бесшумно извлекли оттуда три тяжёлых патрона с крупной картечью. Спрятав их в кулаке, Марко осторожно прижал дробовик к бедру и начал один за другим, без единого металлического щелчка, утапливать их в нижнее окно трубчатого магазина. На губах Пабло заиграла та самая, чисто наёмничья, наглая ухмылка.

— Кинжал? — Пабло удивлённо вскинул брови. — Ах, да! Он у меня с собой.

Глаза капитана наемников в прорезях маски сузились от подозрения, но он не успел командовать «Стой».

Пабло, сохраняя абсолютное, почти пугающее спокойствие, плавно и неторопливо опустил правую руку, запуская пальцы глубоко под полы своего потертого плаща...

Глава 3.2. Пороховой дым и старые долги

— А ну-ка стой! — рывкнул капитан наёмников, и ствол его пистолета качнулся чуть вверх.

Пальцы Пабло, уже скользнувшие под полы потёртого плаща, застыли. Сержант не шевелился, продолжая удерживать на губах свою наглуую, раздражающую ухмылку, но в его глазах зажёгся холодный, расчётливый огонёк. Он выжидал.

Капитан коротко, едва заметно кивнул налётчику с ножами. Тот понял командира без слов. Перехватив длинные зазубренные лезвия обратным хватом, он начал плавно сближаться с Пабло, намереваясь лично проверить, что прячет этот наглец.

Это была его главная, фатальная ошибка. Головорез подошёл так, что перекрыл своему капитану и парню с обрезом прямую линию огня.

Хитрый план Пабло сработал идеально.

В долю секунды сержант рванулся вперёд. Его левая рука, до этого демонстративно поднятая на уровень плеч, молниеносно метнулась к противнику, намертво перехватывая его запястье. Жёсткий, профессиональный залом — и кости врага хрустнули, вынуждая его взвыть от боли и выпустить оружие. Одновременно с этим правая ладонь Пабло наконец вынырнула из-под плаща, намертво сжимая массивную рукоять его верного «ТОР-45».

Укрывшись за хрипящим налётчиком, Пабло вскинул ствол прямо из-за его плеча, целясь в парня с обрезом, и нажал на спуск.

Грохот!

Тяжёлая пуля «ТОРа» ушла в молоко — нападавший с дробовиком оказался тёртым калачом, вовремя среагировал на движение и резко отклонился в сторону. А в следующую секунду небольшое пространство лавки «Ткани Этлиса» буквально взорвалось целой канонадой выстрелов.

«Бум! — оглушительно, с утробным рыком отозвался дробовик дяди Марко. Старик палил прямо из-за массивной дубовой стойки, выплёвывая снопы пламени вглубь зала.

Та-та-та! — яростно огрызнулся армейский пистолет капитана наёмников. Очередь срезала щепки со стойки, заставив Марко вжать голову в плечи. Нападавшие успели рассредоточиться: сам вражеский капитан и его подельник с тяжёлым обрезом завалились за баррикаду из плотных, скрученных в рулоны восточных ковров. Пули самозарядного пистолета Санто, который тоже не остался в стороне, бесцельно вязли в толстой шерстяной ткани, выбивая лишь облака вековой пыли. Рядом с ним за прилавок нырнул его громила-телохранитель и резким, коротким ударом ткнул под дых начавшего было панику Салима, силой заставляя хозяина лавки пригнуть голову.

Посреди этого огненного ада, на открытом пространстве, оставался только Пабло. Он тяжело дышал, намертво перехватив шею головореза, который ещё секунду назад бросался на него с ножами. Пабло цинично использовал хрипящего наёмника как живой щит, пятась к перевёрнутому столу.

В одно мгновение лавку заволокло едким, сизым пороховым маревом, запахом палёной кожи и серы. Звенели разлетающиеся вдребезги витрины, осколки стекла градом сыпались на пол, а в ушах стоял сплошной, оглушительный грохот, сквозь который пробивались лишь отборные маты дяди Марко. Бой начался...

Но ещё за несколько часов до того, как в Малом Альбионе прогремели первые выстрелы, на старой, полуразрушенной детской площадке царила сонная тишина. Зажатый между глухими стенами серых доходных домов, этот пятачок земли казался отрезанным от остального мира. Ранним утром смог здесь был холоднее, а воздух густо пах ржавым железом и мокрым бетоном.

Анжи двигалась плавно, почти бесшумно. С виду она напоминала сейчас холодного и расчётливого бойца, идеальную машину смерти, но внутри неё бушевала настоящая буря. Тяжёлый двуручный меч в её руках казался невесомым.

Взмах снизу-вверх — и в голове словно застывший кадр из старой киноленты вспыхнула улыбка отца. Рассекающий удар с разворота — и перед глазами встал его серьёзный, сосредоточенный взгляд, когда он тренировал её на заднем дворе их старого дома. Укол клинком в воображаемую голову врага — и Анжи снова прожила тот проклятый день, когда он в последний раз ушёл на задание.

Она так и замерла, тяжело дыша и удерживая массивную полосу стали идеально горизонтально земле. Лезвие едва заметно вибрировало.

Кадры прошлой жизни на Альбионе замелькали в её сознании всё быстрее, безжалостно сменяя друг друга. Её беззаботное детство в роскошной усадьбе. Пышные платья, цветы, званные ужины и танцы. Светские беседы в окружении личных учителей и подруг из высшего общества... А затем — резкий, болезненный щелчок. Её юность в небольшом, покосившемся домике на окраине — всё, что осталось от некогда великого состояния отца. Смирение. Уборка по дому, готовка скромной еды и, конечно же, бесконечные, изнуряющие тренировки, которые изо дня в день проводил для неё отец. И вечное, съедающее изнутри ожидание, когда он вернётся с очередной опасной работы.

Её отец — Сэр Николас Стерлинг — принадлежал хоть и к побочной ветви королевской династии, но всё же имел законное право претендовать на трон королевства Брин. Если бы, конечно, другие, более знатные и влиятельные потомки добровольно отошли от этой кровавой политической гонки. Это его в итоге и сгубило.

Семью Стерлинг методично разорили, лишив титулов и земель. Граф стал простым наёмником, торгующим своим мастерством. А после... после одно из рядовых заданий их роты оказалось тщательно спланированной засадой. Всю сотню «Гончих», включая её отца, окружили в глухом ущелье и безжалостно перебили. Но предателям этого показалось мало. Те, кто сдал роту врагам, вскоре пришли и за ней...

Анжи резко выдохнула, глаза воительницы хищно сузились. В Сент-Айвсе у неё не осталось ничего, кроме этого оружия, верных парней из отряда Грея и жгучего, как раскалённая сталь, желания отомстить.

Девушка резко крутанула клинок и убрала его в широкие ножны. Ей пора было пройти по ремесленникам в Малом Альбионе. Утреннее время на исходе, а интуиция подсказывала ей, что этот день в Сент-Айвсе будет пахнуть исключительно порохом и кровью.

Анжи не ошиблась. Стоило ей выйти из подворотни на оживлённую улицу Малого Альбиона, как до её слуха донёсся хлёсткий, тяжёлый хлопок, который трудно было перепутать с грохотом проезжающих легковых машин. Выстрел. А через секунду — утробный, раскатистый рёв дробовика и сухая пистолетная дробь. Стреляли со стороны одной из лавок.

Лицо воительницы мгновенно превратилось в каменную маску. Рука сама собой легла на эфес двуручника. Сорвавшись с места, она тенью метнулась сквозь рассеивающийся розовый смог, на бегу оценивая обстановку. К разбитым витринам «Ткани Этлиса» со стороны перекрёстка бежали четверо налётчиков в глухих масках, на ходу выхватывая оружие из-под плащей.

А за разбитыми стёклами лавки в этот момент было пекло.

Головорез с ножами оказался живучей тварью. Получив не только перелом запястья от Пабло, но и поймав в спину добрую порцию крупной картечи от своего же поделщика, он и не думал сдаваться. Ослепший от боли, яростно хрипя сквозь кожаную маску, он несколько раз взмахнул здоровой левой рукой, пытаясь достать сержанта зазубренным лезвием.

Один укол оказался точным. Острый металл вспорол ткань плаща и с силой вонзился в левую сторону груди Пабло, прямо ниже рёбер.

Сержанта спасло только чудо — и его собственная наёмничья привычка. Удар пришёлся аккурат в массивную, жёсткую кобуру из толстой бычьей кожи, в которой Пабло носил свой револьвер. Остриё застряло, не добравшись до плоти, но сила нажима была такой, что дыхание у сержанта мгновенно перехватило.

Отшатнувшись и хватаясь свободной рукой за ушибленный, горящий болью бок, он рявкнул от злости и почти в упор всадил в грудь безумного штурмовика тяжёлую пулю сорок пятого калибра. На этот раз физика взяла своё: тело противника тяжёлым кулем повалилось на залитый кровью и засыпанный осколками пол.

Перестрелка в заволочшем лавку дыму на какое-то мгновение стихла. В этой звенящей, душной полумгле был слышен лишь сухой металлический перезвон латуни от спешно перезаряжаемого «ТОРа», глухой стук падающих пустых обойм и резкие щелчки загоняемых ружейных патронов. Стрелки перезаряжали оружие, чтобы продолжить бой.

Пабло, хрипя и вдавливая патроны в барабан, краем глаза заметил, как уцелевший налётчик с обрезом уже вскидывает ствол, целясь прямо в голову засевшему у прилавка Санто. Сержант понимал — он не успевает взвести курок. Капитан нападавших тоже защёлкнул обойму и выставил пистолет из-за укрытия.

В следующее мгновение перестрелка внутри лавки вспыхнула с ещё более яростной силой. Пространство окончательно превратилось в пекло. Нападавший с обрезом нажал на спуск, целясь в Санто, но крупный громила-телохранитель успел совершить свой последний в жизни рывок. Он намертво закрыл молодого Кортеса своим телом, поймав всю порцию свинцовой дроби в грудь. Громила покачнулся и тяжело рухнул навзничь.

Пабло, взыв от ярости, на чистом адреналине вскинул «ТОР-45». Первый выстрел сержанта на ходу прошил налётчику с обрезом плечо, заставив того выпустить оружие. Не давая врагу опомниться, Пабло сделал ещё один шаг вперёд и вторым хлестким выстрелом в упор добил ублюдка, размазав его по уцелевшей стене.

В ту же секунду капитан нападавших открыл шквальный огонь из своего пистолета, намертво прижав Пабло и Санто к полу за массивным дубовым прилавком. Налётчик палил без остановки, прячась за поваленным металлическим стеллажом в глубине зала.

Но он совершил роковую ошибку — забыл про старого волка.

— Попробуй вот это, ублюдок! — проревел дядя Марко.

Старик вырос из-за своего укрытия как из-под земли. Его тяжёлый боевой дробовик рявкнул. Столб пламени и тонна раскалённой крупной картечи насквозь разворотили поваленный железный стеллаж, превращая его в кучу дырявого хлама. Картечь Марко буквально нашинковала прятавшегося за ним капитана наёмников. Изрешечённое тело командира отлетело назад и безжизненно распласталось среди разбитых витрин, изодранных тканей и ковров.

Внутри лавки воцарилась внезапная, звенящая тишина, нарушаемая лишь свистом закладывающего уши порохового гула. Марко лихорадочно, трясущимися пальцами пытался нашупать в карманах новые патроны, понимая, что высадил во врага все три заряда, и его оружие теперь бесполезно. Пабло застыл за перевёрнутым столом, не сводя глаз с баррикады из этлиских ковров. Он чутко считал выстрелы и прикидывал на ощупь вес револьвера: в тяжелом барабане «ТОР-45» оставалось всего два патрона. Все готовились к новому, решающему столкновению, ещё не зная, что происходило на улице...

Четвёрка подкрепления, бежавшая к разбитому фасаду, уже вскидывала стволы, готовясь залить внутренности здания свинцом сквозь пустые оконные проёмы. Они были полностью сосредоточены на целях внутри помещения. И совершенно забыли проверить собственные тылы.

Тень, скользившая по стене соседнего здания, внезапно обрела плоть и предельную скорость. Из розового смога прямо за спинами нападавших выросла Анжи. В её руках мертво-бледным неоновым отсветом сверкнула сталь.

Огромный меч, послушный её ярости, описал горизонтальную дугу, с тяжёлым, свистящим гулом рассекая утренний воздух.

Первый из штурмовиков даже не успел обернуться. Тяжёлая сталь вошла в районе лопатки и наискось разрубила грудную клетку. Мужчина рухнул в грязь Нижнего яруса, как подкошенный сноп. Трое оставшихся в ужасе шарахнулись в стороны, разворачивая стволы к новой угрозе, но Анжи уже закрутила свой стальной вихрь.

Она двигалась на чистых рефлексах. Выпад — лезвие пробивает кожаную маску штурмовика. Разворот — плоскость клинка с хрустом ломает шейные позвонки третьему. Последний головорез, истошно крича, попытался вскинуть обрез, но Анжи коротким рубящим движением отсекла ему кисть вместе с оружием, а затем безжалостно добила ударом в сердце.

Всё было кончено за пять секунд. Пороховой дым из разбитых окон лавки «Ткани Этлиса» медленно смешивался с ядовито-розовым смогом улицы.

Анжи тяжело дышала, опёршись на эфес меча. С лезвия на мокрый гранит густо стекала тёмная кровь. Вокруг витал стойкий, удушливый запах палёного пороха и серы.

Она как раз собиралась вытереть клинок о куртку одного из убитых, когда краем глаза уловила движение.

Кто-то спокойно шёл по противоположной стороне улицы прямо сквозь ядовито-розовый смог. Высокая мужская фигура в безупречном длинном пальто и глубоко надвинутой фетровой шляпе. Прохожий двигался неторопливо, совершенно игнорируя гору свежих трупов и тяжело дышащую женщину с огромным окровавленным мечом в руках. Он даже не повернул головы в её сторону, просто шёл мимо по своим делам, скрытый туманом.

Анжи на секунду напряглась, провожая незнакомца взглядом. Он уже миновал разбитые двери лавки, но именно в этот момент, когда мужчина начал удаляться узкой улице до её носа сквозь пороховую гарь внезапно донёсся странный, совершенно неуместный здесь шлейф.

Дорогой, терпкий табак и резкий, чистый ментол.

Воительница нахмурилась и резко обернулась ему вслед. Незнакомец уходил прочь, его спина уже растворялась в туманной дымке. Но как раз в этот миг блёклое дневное солнце Сент-Айвса на секунду пробило плотную пелену смога. Яркий луч ударил мужчине прямо в затылок, и на кирпичной стене старой аптеки отчётливо растянулась его длинная, угольно-чёрная тень.

Анжи похолодела. От неожиданности она крепче перехватила рукоять двуручника.

Шляпа и силуэт пальто уходящего человека были абсолютно обычными. Но тень, заскользившая по мокрой кирпичной кладке, жила своей пугающей жизнью. На стене чётко отпечатался силуэт длинного, уродливого, хищного птичьего клюва, словно за спиной Анжи бесшумно прошагал кошмарный пернатый ворон.

Она моргнула. Незнакомец сделал шаг в глубокую тень переулка, и морок мгновенно исчез, точно его и не было. Запах ментола растаял следом.

— Проклятый город... — пробормотала Анжи, чувствуя, как по спине пробежал неестественный холод. — Уже шварки в перьях мерещатся.

Из разбитых дверей лавки, кашляя и держась за ушибленный бок, наконец выбрался Пабло, поддерживая бледного, едва перебирающего ногами Санто. Дядя Марко шёл следом, яростно ругаясь и вхолостую щелкая затвором пустого дробовика — все его карманы были пусты.

Крупный громила-телохранитель, принявший на себя наёмничью картечь и закрывший собой Санто, так и остался лежать в луже крови среди растерзанных этлиских ковров. Спасать его было уже поздно.

Хозяин лавки, старик Салим, не вышел наружу. Он остался внутри, забившись под дубовую стойку, в полной прострации качаясь из стороны в сторону среди битого стекла и руин своего бизнеса. Старик бездумно смотрел перед собой. Через разбитые половицы его тайного убежища, куда угодил шальной заряд картечи, сочился густой химический дым. Там, внизу, были

раздавлены ящики с дефицитными ампулами транквилизаторов, а случайные пули напрочь разнесли дорогое, деликатное оборудование для ремонта редкого оружия. Салим был жив, но его разум, казалось, полностью сгорел вместе с делом всей его жизни.

Пабло обернулся к тяжело дышащему Санто, который до сих пор сжимал в дрожащих руках оружие. Весь пыл и напускная ярость юноши испарились после пережитого пекла перестрелки — он смотрел на Пабло глазами того самого испуганного мальчишки из детства. На долю секунды между ними снова возникла та невидимая братская связь, которую они когда-то потеряли. Санто сделал шаг вперед и тихо, с надеждой произнес:

— Приходи к нам в воскресенье, Пабло. Мама... мама будет рада. Да и я скучал.

Пабло горько, едва заметно улыбнулся и покачал косматой головой, пряча в кобуру револьвер.

— Не стоит, Санто. Твой отец убьет меня прямо на пороге. Рад был повидаться, мелкий. Береги себя.

Юноша лишь грустно опустил взгляд, понимая, что Вега прав — старый Кортес никогда не простит гибель дочери.

— Анжи! Мать твоя волчица, ну ты и устроила тут... — выдохнул сержант, с уважением оглядывая растянувшиеся на мостовой бездыханные тела налётчиков. — Уходим, пока сюда не явились законники...

Тяжёлое послеполуденное солнце Сент-Айвса едва пробивалось сквозь мутные, покрытые копотью стёкла, когда отряд снова собрался у деревянного стола. Дэнни, вернувшийся от Фауста, сидел в углу. Его рана под свежей повязкой наконец-то перестала тяжело, горячо пульсировать. Настойка чернокнижника подействовала. Дэнни облегчённо прикрыл глаза, чувствуя, как по телу разливается приятная слабость.

Грей молча выслушал эмоциональный рассказ Анжи о нападении на лавку и о странном человеке в тумане. Капитан сидел неподвижно, подперев подбородок тяжёлыми кулаками. Его шрам на щеке зловеще побелел.

— Пальто... И запах ментола, говоришь? — тихо переспросил Грей, и его голос опустился до опасного звериного рыка.

В его голове сокрушительным щелчком захлопнулась ментальная ловушка. Ментол. Дорогой табак. Точно такой же запах вьёлся в ковры и дубовую обшивку роскошного кабинета Шугара. Карлик курил именно эти сигареты.

«Этот маленький шварк перебьёт нас всех, попивая чай с оттопыренным мизинчиком», — всплыли в памяти недавние слова Пабло.

— Шугар... — Грей глухо выдохнул, и на его щеке хищно дернулся шрам. — Человек в пальто — его личный пес, который зачищает хвосты. Какого пекла они устроили этот цирк вокруг несчастного цирюльника, мы разберемся на месте. Главное — у нас есть фора. Моя уличная шпана донесла: Шугар со своей личной охраной покинул город сегодня днем.

— Кэп, ты уверен? — Пабло нахмурился, осторожно ощупывая забинтованный бок. — Шугар, конечно, гнида, но подставлять Гильдию...

— Уверен, — отрезал Грей, поднимаясь во весь рост. — Этой ночью мы вскроем его сейф. Мы заберём контракты и узнаем, в какую бездну этот недомерок пытается нас столкнуть. Всем спать. У нас есть несколько часов до темноты, чтобы набраться сил перед вылазкой. Ночью нам понадобятся свежие головы и быстрая реакция.

Пабло криво усмехнулся и потянулся к потертой кожаной кобуре, где покоился его главный аргумент — тяжелый окопный револьвер сорок пятого калибра. Перехватив ремешок, сержант не спеша завязал на нём уродливый, тугой узелок и проверил ногтем, крепко ли держится. В Гильдии это было старой традицией перед каждым опасным делом. Наёмники верили, что Хозяин Пекла, древний бог Текстор, беспрерывно ткёт единое полотно из человеческих жизней, и если сделать на своей нити хорошую, заметную зазубрину, пальцы слепого Ткача

могут на ней споткнуться и повременить с ножницами. Пабло предпочитал перестраховаться. На всякий случай.

В комнате установился зловещий, тяжёлый покой предвкушения. За окном Сент-Айвс продолжал дышать ядовитым неоновым смогом, пока отряд погружался в чуткий дневной сон, готовясь к ночной охоте на тайны карлика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.